

УДК 159.9.072-021.475

ГДЕ ПРОХОДЯТ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ «ВНУТРЕННИМ» И «ВНЕШНИМ» ОПЫТОМ?

Д.Г. Трунов

Выделяются критерии разделения между внутренним и внешним опытом: критерий направленности, критерий чувствительности, критерий свидетельства. С феноменологических позиций проводятся границы между внутренним и внешним опытом как имманентным и трансцендентным восприятием. Рассматриваются intersубъективные и дискурсивные основания разделения на «внешнее» и «внутреннее».

Ключевые слова: внутренний опыт; внешний опыт; феноменология; имманентное восприятие; трансцендентное восприятие; intersубъективность; дискурсивные практики.

«Внутренний» и «внешний» опыт

Опыт самопознания традиционно связывается с понятием «внутреннего опыта». Познающему субъекту непосредственно в опыте даны не только мир внешних объектов, но и способность переживания самого себя. Эту способность Дж. Локк и Д. Юм называли «внутренним опытом» в отличие от опыта внешнего, т.е. познания «наружной» действительности (см. [6; 9]). И. Кант говорил о двух видах восприятия: «внешнем» и «внутреннем», где предметом последнего выступает «Я, как мыслящее существо» [5. С. 241]. Намного ранее Локка, Юма и Канта Августин писал о разделении «Я» на «внешнего человека», обращающегося к внешнему миру, и на «внутреннего человека», у которого в услужении состоит «внешний» [1. Книга X, VI, 9].

Можно ли феноменологически *разделить* так называемый «внутренний» и «внешний» опыт? Весьма примечательно, что граница, отделяющая внутренний и внешний опыт, интуитивно понятна обыденному сознанию, но философское определение внутреннего опыта едва ли может быть внятно эксплицировано. Трудно найти один критерий, на основании которого удастся строго прочертить границу между внешним и внутренним опытом. Однако возможно выделить *несколько* критериев, которые

различаются в том, как они устанавливают границы между «внутренним» и «внешним». Помня при этом, конечно, что ни один из данных критериев не является четким и определяющим существо категории внутреннего опыта. Вернее сказать, что категория внутреннего опыта возникает исключительно на *пересечении* ряда критериев.

Критерий направленности познания: субъектное — объектное

Этот критерий подразумевает традиционное в гносеологии разделение на субъект и объект, а значит, и направленность познания (восприятия). С точки зрения классической гносеологии, в случае познания внешнего опыта субъект и объект различны (направленность на объект), во внутреннем опыте субъект и объект познания тождественны (направленность на субъект). В связи с трудностями, возникающими при определении того «субъекта», на который направлено познание, мы позволим себе изменить формулировку и скажем, что внутренний опыт — это познание «особого рода объектов», с которыми субъект отождествляет себя.

Значение этого критерия состоит в том, что, разделяя опыт по направленности на субъект или на объект, он подразумевает принципиальные различия в познании субъектного и объектного. При изучении внешнего опыта, например, возможны объективные наблюдения,

Трунов Дмитрий Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: trunoff@hotmail.ru

независимые от субъекта, возможны экспериментальные и инструментальные исследования. Основной же путь изучения внутреннего опыта — это интроспекция, имеющая абсолютно субъективный характер. Любые попытки субстантивировать внутренний опыт, например, рассматривать его как работу психофизического организма, приводят к его сущностному искажению и потере первоначального (субъектного) смысла. Ограничения этого критерия чисто логические: как может осуществляться познание внутреннего опыта, когда субъект и объект тождественны? Очевидно, необходимо как-то «отделить» внутренний опыт от субъекта, «вынести наружу» субъекта или сам опыт. Но тогда мы будем иметь дело уже не с субъектом, а объектом. Классическая гносеология не справляется с этим противоречием.

Дело в том, что понятия «внутреннего» и «внешнего» имеют метафорическую природу. Эти метафоры взяты из предметного мира и перенесены в сферу гносеологии субъекта. Предметным миром назовем здесь внешний мир, какой он видится наблюдателю. Для такого наблюдателя *явлена* только внешние стороны вещей, их поверхности. С точки зрения такой «внешней», предметной логики, слово «внутренний» выступает определением по отношению к некоему гипотетическому пространству вещи, которое отделено от наблюдателя границей, совпадающей с поверхностью вещи. Это пространство по началу *скрыто* от наблюдателя, но он может заглянуть в него, открыв, разобрав, сломав вещь. В свою очередь, части этой вещи, вынесенные наружу, более уже не становятся внутренними, они об-наруживаются. Познание вещей в предметном мире идет по пути постоянного (и бесконечного) об-наружения, овнешнения того, что было внутренним, скрытым.

Перенося идею «внутреннего» и «внешнего» на свое бытие, субъект («Я») сам становится вещью, имеющей определенные границы (например, границы тела), которые отделяют его от окружающего мира. Субъект как будто бы смотрит на себя *со стороны*, определяя некую часть опыта, которая скрыта от внешнего

наблюдателя «в теле» как «внутренний» опыт. Действительно, если я — наблюдатель, исследующий окружающие меня объекты (вещи), то мне понятны границы между «внутренним» и «внешним» — это поверхности вещей. Если я сам становлюсь этой «вещью», то я могу определить эти границы только глядя на себя с точки зрения внешнего наблюдателя — *Другого*. Граница между «внешним» и «внутренним» дана мне лишь в *постороннем* взгляде на меня как на предмет-тело и есть ни что иное как граница телесной явленности меня Другому. Стало быть, различие внешнего и внутреннего опыта есть формальное различие внешнетелесного и внутрителесного и является результатом обязательного присутствия постороннего наблюдателя. Как пишет Ж. Делез, Другой — это «априорный принцип организации любого поля восприятия на основе категорий»; это структура, «осуществляющая “категоризацию” этого поля» [4. С. 290]. Ниже, при обсуждении телесного опыта, будет выдвинута мысль, что без внешней позиции (помощи Другого) мы никогда не смогли бы узнать, что у нас есть свои собственные телесные границы, отделяющие нас от остального мира. Другими словами, понятие внутреннего и внешнего обретается исключительно в *экстернальной рефлексии*, в моем собственном взгляде на себя «со стороны».

Критерий чувствительности:
интерорецептивное — экстерорецептивное

Если представить субъекта как тело-объект, то граница между внешним и внутренним будет естественным образом проходить по внешнему покрову, т.е. коже. Однако этот критерий не является полноценным с позиции чувствительности. Так, часть тела, перестающая что-либо чувствовать (например, в силу медикаментозной анестезии или в результате какого-либо заболевания), исключается из сферы внутреннего опыта, она воспринимается как чужая, хотя внешне она никак не отделяется от остальной части тела и физиологические процессы в ней по-прежнему происходят, т.е. объективно и биологически это все тот же организм. С возвращением чувствительности человек вновь обретает эту часть тела в своем внутреннем

опыте. Поэтому в некотором смысле более корректным является *сенсорный критерий*, который прочерчивает границу между внутренним и внешним на основании того, какие чувства (органы чувств, чувствительные рецепторы) задействованы в получении того или иного опыта. С физиологической точки зрения все ощущения человека обычно разделяют на следующие группы:

1. Экстерорецептивная чувствительность:

- дистантные органы чувств: зрение, слух, обоняние;
- контактные органы чувств: осязание, вкус.

2. Проприорецептивная (кинестетическая) чувствительность.

3. Интерорецептивная (органическая) чувствительность

На основании критерия чувствительности (сенсорного критерия) «внешним опытом» можно назвать то, что человек наблюдает в окружающем его мире, используя *экстерорецептивную* чувствительность, главным образом, дистантные (по отношению к объекту) органы чувств. А внутренним опытом — то, что человек ощущает «внутри» себя с помощью проприорецепторов (расположенных прежде всего в связках и мышцах тела, в надкостнице) и интерорецепторов (расположенных во внутренних органах, полостях тела).

Этот критерий, опирающийся на разделение рецептивных функций, также имеет ограничения и исключения, если примерять его по отношению к интуитивному понятию внутреннего опыта. Например, сильные воздействия на дистантные органы чувств могут создавать болезненные и дискомфортные *синестезии*, которые мы скорее отнесем к внутреннему опыту, чем внешнему: громкий *до боли* звук, непереносимый *телесно* скрип, яркий *режущий глаза* свет, отвратительный *до тошноты* запах. Еще нагляднее и гораздо чаще этот переход от внешнего к внутреннему опыту можно наблюдать в случае контактных чувств (осязание и вкус). Например, я изучаю неровную поверхность с помощью зрения и осязания; в первом случае я получаю внешний опыт, но стоит мне закрыть глаза и обратиться к осязанию, как я

начинаю переживать уже нечто внутреннее; если теперь я, не открывая глаза, попытаюсь представить (вспомнить) эту поверхность в своем воображении, то мои тактильные ощущения скорее станут дополнительным элементом внешнего (зрительного) опыта.

Кроме того, надо отметить, что «психическая» (а не «физиологическая») составляющая внутреннего опыта не исчерпывается исключительно проприо- и интерорецептивной чувствительностью. Например, я могу представлять — т.е. *видеть* и *слышать* в поле своего воображения различные образы, которые я скорее отнесу к моему внутреннему опыту, несмотря на то, что формально они берут свое происхождение от дистантных органов чувств.

На самом деле граница между внутренним и внешним может быть положена не на линии, разделяющей внешнее и внутреннее восприятие, а на территории, где они *перекрещиваются*, где они «работают» *вместе*. Только при совместном экстро- и интрорецептивном переживании, когда к внутреннему восприятию добавляется внешнее (например зрение), самобытие распадается на два мира — внешний и внутренний. Зрительно я обнаруживаю себя как внешний предмет (тело как вещь), а в проприоцептивном восприятии я обнаруживаю внутреннее пространство этой вещи — свою плоть. Так, одновременно, благодаря зрению и ощущениям, тело как вещь обретает характер плоти и, наоборот, тело-плоть обретает очертания вещи. Другими словами, концепты «внешнего» и «внутреннего» — это комплексные образования, не связанные с какой-либо одной формой восприятия. Если представить ситуацию *моноцептивного* самовосприятия, то мы едва ли вообще получим концепт «внутреннего опыта»: в этом случае я буду иметь безграничное поле переживаний какой-либо одной модальности восприятия, за пределы которого я просто не буду способен «заглянуть». Напротив, граница-переход от внешнего к внутреннему или от внутреннего к внешнему возникает исключительно при вовлечении оппозиционной модальности, поскольку при этом создается возможность сопоставлять данные восприятия и

строить многомерный образ — образ, имеющий поверхность и глубину, внешнюю и внутреннюю сторону.

Критерий свидетельства: субъективное — интерсубъективное

Данный критерий в некотором смысле объединяет предыдущие, он основан на сопоставлении внешнего и внутреннего свидетельства самобытия. М. Шеллер писал, что «живые существа суть не только предметы для внешних наблюдателей, но и обладают *для-себя- и внутри-себя-бытием* (Fürsich- und Innesein), в котором они *являются* сами себе (inne werden)» [8. С. 33-34]. Х. Плеснер в качестве критерия разделения между внутренним и внешним миром кладет «компетенцию свидетельства», противопоставляя *самосвидетельство* внутреннего мира и *чужое* свидетельство внешнего; он пишет, что для «внутренней жизни» характерной особенностью и отличием от «внешней жизни» является то, что она *принадлежит* только самому человеку [7. С. 105]. Таким образом, критерий свидетельства лежит в основании разделения внутреннего и внешнего опыта в качестве *субъективного и интерсубъективного*.

Критерий свидетельства тесно связан с метафорой «собственника». Здесь фрагменты опыта представлены как вещи, которые могут принадлежать субъекту, а могут быть общими. Внутренний опыт, исходя из этого критерия, определяется как «исключительно свой, собственный»; все остальное — чужое или общее — относится к внешнему опыту. Предметности внутреннего опыта принадлежат *исключительно* субъекту, это то, что он переживает в себе и в связи с собой, то, что он не может непосредственным образом разделить с другими; в отличие от них объекты внешнего опыта доступны также и другим субъектам. Таким образом, внутренний опыт принципиально доступен только мне и недоступен для другого, он является для него абсолютной тайной. Он может быть выражен, но речь тогда идет уже не о непосредственном присутствии (presentatio) внутреннего опыта как такового, а его знаковым или символическом опосредовании (representatio).

Это разделение также условно, поскольку, во-первых, любое переживание или восприятие — будь то внутреннего объекта или внешнего — субъективно, т.е. принадлежит исключительно переживающему (воспринимающему) субъекту; индивидуальность (субъективность) восприятия, безусловно, сохраняется и в случае внешнего восприятия. Ни один человек не сможет преодолеть физическую телесную преграду, изолирующую каждого в самом себе, и таким образом сделать свой опыт переживания внешних или внутренних событий достоянием других. Само по себе слово «опыт» подразумевает, что его испытывает конкретный человек, в этом смысле любой опыт является «внутренним» и «субъективным», а словосочетание «внешний опыт» феноменологически противоречиво.

Во-вторых, с другой стороны, восприятие субъективного опыта основано на использовании *общих* с другими людьми дискурсивных правил и средств, а значит так называемый «субъективный опыт» имеет в той или иной степени интерсубъективную и конвенциональную составляющую. Внешнее, чужое свидетельство обязательным образом проникает и в сферу внутреннего опыта через усваиваемый в процессе жизни язык описания этого опыта; более того, именно благодаря внешнему свидетельству человек впервые обнаруживает свой внутренний опыт.

Два мира: внутренний и внешний

Итак, акты cogito (в самом широком смысле), направленные на внешний мир, обычно определяют как «внешний опыт» субъекта, а направленность на внутренний мир — как его «внутренний опыт». В этом случае «внутренний мир» — это особый бытийный регион, принадлежащий исключительно одному человеку, тогда как внешний мир в известном смысле принадлежит и другим людям. Отсюда следует возможность верифицировать внешний опыт одного человека через сопоставление его с внешним опытом других людей. Благодаря такой верификации и согласованию имеются условия для создания единой (общей) картины

внешнего мира. Такая возможность не существует для внутреннего мира, поскольку он принципиально приватен и уникален, хотя его уникальность или, напротив, повторяемость не может быть практически до конца подтверждена или опровергнута. Таким образом, внутренний мир изначально является достоянием одного человека, что, однако, не означает принципиальной невозможности вынесения внутреннего мира вовне, его «обнародования». Так, внутренний мир, будучи объективированным (в словах, образах, пластических формах и пр.), превращается в элемент внешнего мира, не теряя (но, возможно, еще больше обретая) свою внутреннюю — по отношению к субъекту — значимость. Теперь внутренний мир одного человека становится также достоянием других людей. Таков внутренний мир, выраженный автором в произведении искусства.

Как же соотносятся понятия внутреннего и внешнего опыта и внутреннего и внешнего мира? Если внутренний опыт есть не что иное, как сам внутренний мир, то этого не скажешь относительно внешнего опыта, который ни в коем случае невозможно отождествить с внешним миром. Нет внутреннего мира *самого по себе* без вмещающего его субъекта и без внутреннего опыта, в котором он дан этому субъекту. Напротив, внешний мир существует сам по себе и независим от его восприятия субъектом, т.е. от внешнего опыта субъекта. Сам же внешний опыт субъекта не принадлежит внешнему миру, хотя и сопрягается с ним в феноменологическом смысле, — внешний опыт, безусловно, является частью мира внутреннего.

Внешний мир принципиально необозрим, в то время как внутренний мир феноменально доступен. Внешний мир бесконечен в своей пространственной протяженности, он разворачивается в пространстве и времени независимо от нашего познания. В силу этого мы не можем говорить об абсолютном познании внешнего мира. Внутренний мир, с одной стороны, также разворачивается в некотором особом «внутреннем времени» и «внутреннем пространстве», но в то же время его разворачивание, конечно, ограничено пределами человеческой жизни. В

силу этого, но главным образом в силу феноменальности — своего важного сущностного свойства, наш внутренний мир всегда принципиально доступен и познаваем «по определению». С точки зрения феноменолога, нет такой области внутреннего мира, которая не была бы абсолютно недоступна для субъекта. Если такая область найдется, то она не может считаться областью внутреннего мира субъекта (по крайней мере, в феноменологическом смысле).

Понятно, что различия между внешним миром и внутренним не исключают их тесной взаимосвязи. Любые изменения во внешнем мире, воспринимаемые через внешний опыт, приводят к коррелятивным изменениям во внутреннем мире, а значит, и во внутреннем опыте. Например, встреча с человеком, с произведением искусства может «обогащать» внутренний мир; напротив, потеря близкого человека (смерть или разлука) феноменально ощущается как потеря части себя, поскольку переживания, воспоминания, планы на будущее, связанные с утраченным, составляют часть внутреннего мира.

Взаимопроникновение внутреннего и внешнего опыта

1. *Внутренний опыт фундирован внешним.* То, что я могу наблюдать в себе, то, что я чувствую, относя это к внутреннему опыту, всегда есть отклик на некий внешний опыт. То, что происходит «внутри», есть «реакция», «собственное эхо» на то, что происходит «снаружи». Внутренний опыт — это «следствие» внешнего опыта, последний в этом случае можно назвать «причиной» внутреннего. Здесь внутренний опыт выступает в качестве *вторичного, подчиненного* по отношению к внешнему.

2. *Внешний опыт фундирован внутренним.* Мое восприятие внешнего мира всегда опосредовано внутренним опытом, например, моими воспоминаниями, моими чувствами, моими ожиданиями, моими знаниями, моими ценностями и пр. Я воспринимаю мир сквозь призму многочисленных «апперцептивных схем» (У. Найссер) и «установок» (Д.Н. Узнадзе), которые помогают мне выхватывать из многообразия внешней реальности главным образом то,

что для меня наиболее актуально. Теперь мое внешнее восприятие становится заложником моего внутреннего опыта. Сугубо личные «трансцендентальные категории» и «априорные идеи» руководят моим внешним опытом и упорядочивают его, выступают в качестве одной из его «причин», а он — лишь «следствия».

Каждое из этих направлений во взаимодействии внутреннего и внешнего опыта имеет свою правоту в контексте соответствующих интерпретаций бытия. И в данном случае нет необходимости доказывать право одного, уничтожая право другого. Они благополучно сосуществуют в научном и житейском дискурсе. Кроме такого «динамического» взаимопроникновения внутреннего и внешнего опыта, которое основано на концепте причинности, или первичности, можно усмотреть еще один вариант сплетения внутреннего и внешнего — теперь уже «статический», предполагающий одновременное наличие у любого фрагмента опыта, эмпирического переживания двух аспектов («сторон», «компонентов») — внешних и внутренних.

3. *Любой внутренний опыт имеет внешнюю сторону.* Любое переживание всегда доступно внешнему наблюдению. О наличии внешней стороны переживания можно говорить даже в том случае, если оно выражено в совершенно «невыразительной позе». Главное, что любое переживание принципиально выражено тем или иным образом, — оно не *потенциально* выразительно, а *уже* выразительно, поскольку переживается. Даже если по каким-то критериям мы решили, что выражение как-то «отстает» от переживания или как-то «неадекватно» ему, — например, за спокойной позой скрывается интенсивная внутренняя работа мысли и воображения, — даже в этом случае переживание *актуально* (а не потенциально) выразительно. Как заметил Г.Г. Шпет, нет ни одного атома внутреннего без внешнего. Любое переживание выразительно (имеет внешнюю сторону), даже если нет рядом наблюдателя: человек сам может зафиксировать эту внешнюю сторону, переведя свое внимание с внутренних ощущений на внешнее восприятие самого себя

(экстернальная рефлексия). В некоторых случаях при таком «переключении» он может даже «потерять» свои внутренние ощущения, какое-то время вовсе не замечать их¹.

4. Точно также: *в любом внешнем опыте присутствует внутренняя сторона.* Внутренний опыт всегда «под рукой». Даже если человек полностью поглощен внешними действиями, манипуляциями с объектами, то он всегда может обычным рефлексивным «поворотом взгляда» (интернальная рефлексия) зафиксировать богатство внутреннего опыта, переживаемого им в этот момент.

Взаимодействие внешнего и внутреннего опыта можно метафорически представить в виде ленты Мёбиуса, движение по внешней стороне которой приводит всегда на внутреннюю сторону и наоборот. Здесь же уместно привести строчки Гёте («Эпиррема»): «Что внутри, во внешнем сыщешь; / Что вовне, внутри отыщешь».

«Внутренний опыт» как имманентное восприятие

Трансцендентное и имманентное восприятие

Рассмотрим понятие внутреннего и внешнего опыта с точки зрения феноменологической парадигмы. Слово «опыт» подразумевает любой вид cogito, — в самом широком понимании, включающем «Я мыслю», «Я познаю», «Я вижу», «Я слышу», «Я ощущаю», «Я выношу суждение», «Я хочу» и пр. В этом смысле слово «опыт» само по себе уже имплицитно подразумевает качество «внутреннего», поскольку «опыт» — независимо от того, на что он направлен, — это то, что происходит у нас «внутри», а потому словосочетание «внешний опыт», как уже говорилось, феноменологически противоречиво.

Феноменологический критерий делит все акты cogito («переживания») на *трансцендентный* и *имманентный* опыт, подразумевая, что в первом случае человек имеет дело с трансцендентными объектами, а во втором случае — с

¹ На этом основаны некоторые техники саморегуляции, в которых наблюдение «со стороны» исключает внутренний компонент переживания.

имманентными объектами, т.е. самими переживаниями. Например, любое внешнее восприятие, будучи психическим переживанием, принципиально отлично от объекта восприятия, который «сам по себе» не принадлежит к собственному составу переживания [3. С. 69]. Напротив, восприятие внутреннего опыта интенционально отнесено к тому, что само по себе единсущностно этому восприятию. Внутренний опыт составлен из «объектов», которые сами есть переживания, тождественные по своей природе самовосприятию, которое на них направлено. Имманентный опыт есть не что иное, как *рефлексивный* опыт. Поэтому, во-первых, любой трансцендентный опыт может стать объектом для имманентного опыта в рефлексивном повороте взгляда, во-вторых, любой имманентный опыт может стать объектом рефлексии, в которой рождаются новые имманентные переживания.

Разделение на имманентный и трансцендентный опыт феноменологически более строго, чем метафорическое в своей основе разделение на внешний и внутренний опыт. Граница между имманентным и трансцендентным опытом более ясная, чем между «внутренним» и «внешним». А потому условимся, что трансцендентное восприятие есть «внешнее» восприятие, или «внешний опыт», а имманентное восприятие — «внутреннее» восприятие, или «внутренний опыт». «Внешний опыт» включает восприятие-познание внешнего мира, но не сам мир. Этот «внешний опыт» может стать «внутренним» при соответствующем рефлексивном повороте взгляда, тогда и рефлексия, и переживаемое объединятся в единсущностный комплекс, называемый «внутренним опытом». В этом смысле, как уже говорилось, внутренний опыт не имеет четкой разделяющей границы с внешним опытом; внешний опыт становится частью внутреннего опыта.

Независимость трансцендентного объекта и подчиненность имманентного

Если «внешние объекты» существуют сами по себе, независимо от нашего восприятия, размышляя о них, вспоминая, фантазируя, мы не можем их устранить или, напротив, вызвать их

к жизни, вообще, ни на йоту их изменить, — то по-иному обстоит дело с «внутренними объектами». В имманентном («внутреннем») восприятии факты и сущности, имея единую природу переживания, начинают переплетаться и взаимно обуславливать друг друга. Сами объекты (т.е. переживания) могут вызываться к жизни благодаря воспоминанию, предчувствию, фантазированию. В свою очередь, само возникающее в результате самовосприятия переживание пополняет сферу так называемого «внутреннего опыта». Например, воспоминание о событии приводит к появлению новых переживаний, которых не было во время фактического восприятия. Поскольку же имманентное восприятие (самовосприятие) и его «объекты» существуют в одной сфере — сфере внутреннего опыта — и взаимодействуют друг с другом таким образом, что могут детерминировать взаимное появление, то отсюда вытекает, что самовосприятие имплицитно *полагание самобытия* — самовосприятие может «индуцировать» самобытие, творить и утверждать «факты самобытия».

Протяженность трансцендентного и темпоральность имманентного

Различие между трансцендентным и имманентным миром — это принципиальное различие между двумя способами бытия: между бытием и сознанием, между вещью и переживанием. В этом противопоставлении фундировано принципиальное различие *способа данности* вещи и переживания. Вещь мы воспринимаем благодаря тому, что она «нюансируется», т.е. проецируется (презентируется) в тех особенностях (сторонах, качествах, характеристиках), какие попадают в поле восприятия. Напротив, переживание не нюансируется, поскольку сущность переживания, по Гуссерлю, исключает что-либо подобное [2. С. 92]. Такое различие в способах бытия и способах восприятия вещи и переживания связано с тем, что вещь обладает *пространственной протяженностью*, независимой от сознания, а переживание таковую не имеет. Вещь можно разглядывать, подходить к ней с разных сторон и таким образом постоянно открывать в ней новые аспекты; и хотя такое обнаружение новых оттенков-нюансов может

быть бесконечным, тем не менее они всегда на любом этапе восприятия составляют интенциональное единство. «*Нюанс — хотя ему немедленно находится имя — относится к принципиально иному роду, нежели нюансируемое.* Нюанс — это переживание. Переживание же возможно лишь как темпоральная длительность, а не как нечто пространственное. А нюансируемое принципиально возможно лишь как пространственное (оно в сущности своей пространственно), но невозможно как переживание» [2. С. 91]. Самонаблюдение — это не наблюдение *чего-то* или *кого-то*, которое мы можем осуществлять по отношению к другому объекту (человеку, вещи и пр.). Такое «внешнее наблюдение», как известно, дается в нюансировке, которая совершается благодаря переходу к новым ракурсам наблюдательской позиции. Изменение «ракурса внутреннего наблюдения» — о таком можно говорить исключительно в метафорическом смысле — совершается благодаря новым «рефлексивным поворотам взгляда», которые, в свою очередь, «приводят в движение и модифицируют все переживание» таким образом, что с каждой новой рефлексивной идеацией я «получаю нечто новое в своем взгляде» [2. С. 171].

Феноменальность трансцендентного восприятия и абсолютность имманентного восприятия

Из протяженного характера «внешней вещи» следует то, что восприятию этой вещи присуща известная неадекватность: вещь принципиально может быть дана лишь «односторонне», а значит, — неполно, хотя такая неполнота, однако, не мешает восприятию вещи во всей своей «живой телесности» [2. С. 94]. Трансцендентная вещь дана *непосредственно*, но *в нюансах*. Если трансцендентное бытие может достигнуть данности лишь через посредство явлений, оно принципиально *феноменально*, то имманентное бытие, напротив, — *абсолютно*: «восприятие переживания есть попросту высматривание чего-то такого, что дано в восприятии как “абсолютное”» [2. С. 96]. Переживание чувства, по Гуссерлю, не может и не постигается посредством нюансов-проекций (в «явлениях»). «Итак,

мы констатируем: в то время как к сущности данности посредством явлений принадлежит то, что ни одно из них не дает вещь “абсолютно”, а только в односторонней презентации, — к сущности имманентной данности принадлежит то, что она дает абсолютное — то, что вообще не может презентироваться отдельными сторонами или нюансироваться» [2. С. 97].

Этот тезис, касающийся восприятия переживания, необходимо дополнить. Он правомерен в том случае, если иметь в виду некое гипотетическое «элементарное переживание». На самом же деле в своем внутреннем опыте мы никогда не имеем дело с одним изолированным переживанием, мы всегда имеем дело с *состоянием*, которое есть *совокупность* переживаний. Собственно слово «совокупность» не совсем подходит, поскольку оно заключает в себе некую пространственность, а в случае «состояния» мы имеем дело с *потоком* переживаний, который затем дифференцируется в акте рефлексии. «Никакое переживание тоже никогда не воспринимается полностью, в полноте своего единства оно не схватываемо адекватно. По своей сущности оно есть поток, в русле которого, направляя на него наш рефлексивный взгляд, мы можем плыть, начиная с точки “сейчас”, тогда как пройденные этапы уже навсегда потеряны для восприятия. Сознанием непосредственно протекшего мы обладаем лишь в форме ретенции, либо же в форме ретроспективного воспоминания» [2. С. 97].

В этом смысле для восприятия *состояния* также характерна своя неполнота, поскольку состояние обладает своей специфической *временной протяженностью*. Однако эта неполнота есть нечто принципиально *иное*, нежели та неполнота, что заключена в сущности трансцендентного восприятия. Неполнота восприятия вещи связана с тем, что вещь не может быть тотально помещена в поле нашего восприятия. Иную неполноту мы можем наблюдать в сфере имманентного восприятия. Она связана с тем, что мы просто не обращаем *фокус* внимания на те или иные переживания («потенциальности»), «пропускаем» их, оставляя их в некоем «фоне», «горизонте», хотя и

имеем возможность обратиться к ним в акте рефлексии, поскольку бытие переживания принципиально сознаваемо [2. С. 100].

Сомнительность трансцендентного восприятия и несомненность имманентного

«Любое имманентное восприятие с необходимостью ручается за существование его предмета. Если рефлектирующее схватывание направлено на мое переживание, то это значит, что я схватил абсолютную самость, бытие *здесь* которого в принципе не может быть подвергнуто отрицанию...» [2. С. 100]. Принципиальная несомненность и очевидность переживания не исключает тем не менее того, что я могу подвергнуть отрицанию *способы выражения* этого переживания — вербальные, символические и пр. — как кажущиеся мне неадекватными или не исчерпывающими воспринятые в акте рефлексии переживания.

Напротив, как уже говорилось, к сущности мира вещей принадлежит то, что ни одно восприятие, сколь бы совершенным оно ни было, не дает в своей области чего-либо абсолютного, а с этим неразрывно связано следующее: «любой опыт, сколь бы далеко он ни простирался, всегда составляет открытой возможностью того, что такое-то данное, несмотря на постоянное сознание его живого телесного самоприсутствия, все же не существует» [2. С. 101]. Все вещное с его живой телесной данностью может и не быть, но не может быть такого переживания, какого могло бы и не быть [2. С. 102]. Речь может идти о том, что какого-либо переживания *не было* или оно было *не таким*, лишь в том смысле, что происходящее со мной на самом деле лучше назвать другими словами. Я могу сомневаться в адекватности слов и других форм выражения переживания, но не в самом переживании¹.

Гуссерль здесь практически повторяет логику Декарта: «тезису мира — мир “случаен”

— противостоит тезис моего чистого Я, жизни моего Я, которая является “необходимой”, абсолютно несомненной» [2. С. 102]. Поток переживаний — это поток переживаний *меня*, и в сколь огромном объеме он оставался бы непонятным, наличие его непосредственно свидетельствует о моем несомненном существовании, «я говорю просто и с необходимостью: я есмь, эта жизнь есть, я живу: *cogito*» [2. С. 103].

Роль интерсубъективности в трансцендентном и имманентном восприятии

Отчасти неполнота, связанная с трансцендентным восприятием, компенсируется тем, что мы имеем возможность сами рассматривать вещь «с разных сторон» или пользоваться данными восприятия этой вещи другими людьми, то есть опираться на свой опыт или «обогатить его за счет избытков опыта других» [2. С. 100]. Принципиальное отличие неполноты трансцендентного и имманентного восприятия заключается в том, что последнее невозможно компенсировать с помощью обращения к опыту других людей, ведь для *Другого* мое переживание является *трансцендентным*. Если свою «правоту» относительно вещей я могу черпать из опыта других, то свое *само*-восприятие я не могу разделить ни с кем.

Это тем не менее не означает, что другой человек не играет никакой роль в моем самовосприятии. Напротив, он играет *ключевую* роль, которая осуществляется следующими путями: во-первых, другой человек *знакомит меня со словами*, с помощью которых я концентрирую внимание на своих переживаниях, могу осознать и описать их; во-вторых, человек знакомит меня с *результатами собственного* самовосприятия (даже если он и не ставит специально такой цели), благодаря чему я обнаруживаю более подходящие средства описания своего имманентного опыта; наконец, в-третьих, другой человек может сыграть специфическую роль в *прояснении* моих переживаний благодаря тому, что он задает вопросы, строит какие-то предположения, касающиеся моего «внутреннего бытия», подбирает слова, которые я оце-

¹ Напоминаем, что так рассуждает феноменолог, а не человек, воспринимающий свои переживания в духе естественной установки, с позиции которой переживание и его выражение, словесное или иное, отождествляются.

ниваю с точки зрения их адекватности моему восприятию самого себя¹.

В первом случае мы получаем *инструмент* для самоописания, во втором случае — *образец* самоописания, в третьем — *собеседника*, направляющего наше самовосприятие и помогающего осуществить самоописание. Роль другого человека в последнем случае — создание условий для более дифференцированного всматривания в свое состояние, в котором открывается то, что принципиально было доступно, но не являлось интенциональным объектом внимания (актуальной интенциональностью, «фигурой»), не находилось в фокусе особого внимания, но лишь в «фоне». Надо признать, что другой человек (профессиональный или непрофессиональный собеседник) часто создает более эффективные условия для рефлексии, нежели я смогу это сделать самостоятельно.

Дискурсивная природа «внутреннего» и «внешнего»

Таким образом, от понятий «внутренний опыт», «внутреннее восприятие» мы пришли к более строгому в феноменологическом отношении понятию *имманентного опыта*. Теперь, стоя на этом фундаменте, мы видим, что так называемый «внутренний» и «внешний» опыт суть не что иное, как *феноменальные концепты*, созданные в сфере имманентного опыта. Эти концепты опираются на разные критерии, в соответствии с которыми проводятся «естественные» границы между «внутренним» и «внешним». С точки зрения феноменологической установки, однако, мы видим, что граница между «внешним» и «внутренним» опытом весьма условна и конвенциональна. Она не является самоданной или природной. Можно сказать, что эта граница концептуальна, а не реальна. «Внутренний мир» — это часть *жизненного мира* человека, не имеющая четких границ с «внешней» частью этого мира. Здесь мы встречаемся с различными феноменологическими вариациями, которые зависят, во-первых, от то-

го, как человек понимает свою «нутрь», а во-вторых, от того, как он понимает «наружность» мира.

Внутренний опыт — это синтетическое единство, совокупность особого рода предметностей, которые состоят из двух компонентов: «гилетического» и формообразующего, организмического и смыслового (дискурсивных интерпретаций). Гуссерль предпочитает вместо слова «опыт» использовать более общее слово «созерцание» [2. С. 54], показывая тем самым, что познание — это нечто большее, чем «прямой чувственный опыт», что оно необходимо сопровождается комплексом дополнительных умозаключений и толкований, связывающих этот опыт воедино. Это означает, что категории внутреннего и внешнего опыта суть *дискурсивные концепты*.

Разделение на внутренний и на внешний опыт происходит не столько в процессе развития человека как психофизического организма, сколько в процессе познания себя с помощью тех дискурсивных средств, которые предоставляет ему культура. Человек сначала имеет дело с синкретическим миром, в котором нет разделения на «внешнее» и на «внутреннее». То, что затем будет квалифицировано как «внутреннее», например, как «тело» или «психика», поначалу полностью слито с внешним, все «внешнее» воспринимается через него и наряду с ним. Об этом свидетельствует отождествление чувств и объектов не только у детей или у так называемых «примитивных народов», такие отождествления зафиксированы в нашем быденном языке, например, в оценках: «приятный человек», «вкусная еда», «отвратительный запах», — во всех этих и других примерах чувство или ощущение субъекта становится признаком, *присуциум* объекту.

Затем на основании опыта переживаний из разных модальностей восприятия (например зрительного, телесного и пр.) создается сенсорное основание («материал») для последующего выделения области «внешнего» и «внутреннего». Для завершения концептуализации внутреннего опыта необходимо специальное обращение внимания на «внутреннюю сферу» (на

¹ Эта роль Другого максимально проявляется в работе психотерапевта или психолога.

«состояние», «самочувствие», «настроение» и пр.), которое не может состояться без другого человека, указывающего на эти внутренние события с помощью объективирующих эти события высказываний. Тогда и совершается поворот к особой области бытия, (на нее теперь направляются акты cogito), которая воспринимается, познается как «внутренний опыт», отделенный от «внешнего».

Таким образом, понятие внутреннего опыта — это не первичное ощущение, а *интерпретация*, созданная на основе появившихся представлений обо мне, о мире и о той границе, которая между нами существует. Поэтому понятие внутреннего опыта подчинено моим знаниям о мире и о себе, моей «концепции мира» и моей «концепции субъекта», оно зависит от того, что я отношу к категории субъекта, а что — к категории «вне-субъективного» (окружающего мира, среды и пр.). В свою очередь, «концепция субъекта» и исходящая из него интерпретация внутреннего опыта связаны с мировоззрением человека, с той культурой, в которой оно формировалось.

Мы можем наблюдать примеры перенесения границы между «внутренним» и «внешним» внутрь тела и даже исключение тела из внутреннего опыта. В последнем случае внутренний опыт — это исключительно бытие души. Философское отвержение своего тела, как «темницы души» (Платон), отрицательное отношение к своему телу или какой-либо его части лежит в основе аскетических практик. Отчуждение означает не столько превращение того, что было «внутренним», во «внешнее», сколько превращение его в «чужое» или «иное». Здесь территориально (формально) «внутреннее» не совпадает со «своим», поскольку нечто «внутреннее» может становиться «чужим», но не обязательно «внешним». Например, болезнь, опухоль и даже такая сугубо внутренняя сфера, как мысли и чувства, могут подвергаться отчуждению. Кроме такого «негативного» отчуждения существует «позитивное» отчуждение без потери качества «внутреннего» и «своего», появляется лишь индекс «иное». Примером может служить состояние беремен-

ности, причем на разных стадиях и при разном отношении женщины к этому состоянию мы можем наблюдать различные этапы отчуждения¹.

Обратные примеры связаны с вынесением границы за пределы физического тела во внешний мир: объекты внешнего мира при этом становятся составными частями тела и принимают непосредственное участие в некоем актуальном опыте, который переживает человек. Мастер «чувствует» свой инструмент, а опытный водитель — свой автомобиль, кисть живописца является продолжением его руки, искусственные органы и протезы становятся чем-то большим, нежели просто предметами. Ряд примеров субъективных переживаний, связанных с сильными чувствами по отношению к другому человеку, предельной концентрацией на данном «объекте», лежащей в основе феномена «идентификации» (З. Фрейд), свидетельствует о возможности включения во внутренний опыт даже других людей.

Список литературы

1. *Августин А.* Исповедь; *Абеляр П.* История моих бедствий. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. Т. 1. 336 с.
3. *Гуссерль Э.* Феноменологическая психология. Амстердамские доклады // *Логос: Филос.-лит. журн.* 1992. № 3. С. 62–81.
4. *Делёз Ж.* Мишель Турнье и мир без Другого // *Турнье М.* Пятница, или Тихоокеанский лимб: СПб.: Амфора, 1999. С. 282–302.
5. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.Лосского; примеч. Ц.Г.Арзаканяна. М.: Мысль, 1994. 591 с.
6. *Локк Д.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Мысль, 1981. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. Кн. I–III. 621 с.
7. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек // *Проблема человека в западной философии.* М.: Прогресс, 1988. С. 96–151.
8. *Шеллер М.* Положение человека в Космосе // *Проблема человека в западной философии.* М.:

¹ Слово «отчуждение» в этом случае не совсем подходит, так как включает идею «чужого». Беременная женщина скорее относится к своему будущему ребенку как «иному», но вовсе не «чужому».

9. Юм Д. Исследование о человеческом разуме-
Прогресс, 1988. С. 31–95.

нии. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.
240 с.

WHERE DO THE BORDERS BETWEEN
«INTERNAL» AND «EXTERNAL» EXPERIENCES PASS?

D.Trunov

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990

The criteria of division between internal and external experience are defined: Criterion of directivity, criterion of sensitivity, criterion of evidence. The borders between internal and external experiences are drawn from phenomenological perspective as an immanent and transcendental perception. The intersubjective and discursive grounds of division on “external” and “internal” are considered.

Key words: internal experience; external experience; phenomenology; immanent perception; transcendental perception; intersubjectiveness; discursive practices.